

«И ВСЕМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО СЧАСТЬЕ БУДЕТ...»

Георгий Эфрон и его родители

«И голос был сладок...»

А. Блок

«Первого сорта у меня в жизни были только стихи и дети»¹, – сказала как-то Марина Цветаева. Впрочем, свои стихи она тоже считала детьми. Но об этом несколько позже.

Жизнь мыслилась молодой женщине как нечто долгое, благополучное и счастливое. И, следуя старой русской традиции, она хотела, чтобы в семье было много детей. «Если бы у меня было много денег – т<a>к, чтобы не слишком часто считать – я бы хотела иметь много детей, – еще по крайней мере троих. Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын – Глебом, или Алексеем. Я бы больше хотела для себя дочь. Для С<ережи> – сына»².

Эту запись М. Цветаева сделала в дневнике в мае 1914 г., когда Але, первой ее дочери, было немногим более года, а ей самой еще не исполнилось и 22-х. Судьба была благосклонна, и у Марины Ивановны в 1917 г. родилась вторая девочка, Ирина. Однако эта дочь не принесла ей радости. Она была больным, слабеньким ребенком, и Марина Ивановна пожертвовала ею для спасения своей любимицы Али в тяжелом 1920 г., когда отдала детей в Кунцевский приют. «На одного маленького ребенка в мире не хватило любви»³, – скажет она об истории жизни и смерти Ирины.

Трагические события в личной судьбе и в жизни страны на время отодвинули мечты о сыне. Страстное желание иметь мальчика возникает в январе 1921 г., когда в жизни Цветаевой все чрезвычайно трудно и зыбко: голод, неустроенность, давно нет известий от мужа, который еще в 1919 г. ушел с Добровольческой армией и потерялся в гуще событий. Что подтолкнуло молодую женщину к этой мысли? Надеялась ли Цветаева, что ее жизнь снова может войти в спокойное русло, мечтала ли о доме и уюте? Наверное, так. Ведь в этот период ее жизни, в России, которую она охарактеризовала, как «хаос, взятый на учет», оставалась только надежда, что отыщется муж и семья снова воссоединится.

Желание иметь сына возникает как бы из ничего. Возможно, импульс дала только что законченная поэма-сказка «Царь-девица», «мое первое настоящее богатырское детище, (дочка!) – назовет она ее. – И – молниеносная мысль: Сын – и последний – первенец!»⁴

Впоследствии (летом 1924 г.) Цветаева зафиксировала этот момент в тетради:

О, мое солнышко, моя звездочка!
Я тебя выхотела из воздуха!

И сопроводила запись пояснением: «(NB! Будущему Муру – родился 1-го фев<раля> 1925 г. – еще очень будущему, очень *воздушно*му Муру!)»⁵

Свои мечты о ребенке она пока реализует через стихи – поэму «Егорушка», которую начнет писать в январе-феврале 1921 г. (продолжит в начале 1923 г.). Ее прототипом стал молодой красноармеец Борис Бессарабов, «сыночек», как она его называет. «Я помешалась на сыне. Вместе с Алей мечтаем о нем. – Егорушка. – Ах, как я благодарна Богу за то, что пишу стихи, – сколько сыновей бы мне пришлось породить, чтобы вылюбить всю любовь!»⁶

Герой поэмы, над которой она начала работать, – мальчик, родившийся от земной женщины и «орла залетного», вскормленный волчицей. Позднее, в июне 1921 г., Цветаева напишет стихи, посвященные мужу – цикл «Георгий». Егорушка – вторая ипостась великомученика, христианского святого, Георгия Победоносца, ее крестьянское начало.

Получив известие о том, что муж жив, в первом же письме (от 27 русского февраля 1921 г.) она пишет Сергею Яковлевичу: «...если Вы живы, мы встретимся, у нас будет сын. <...> У нас будет сын, я знаю, что это будет, – чудесный героический сын...»⁷

Но с момента встречи с мужем летом 1922 г. до рождения сына прошло еще три года. Однако Марина Ивановна не расставалась с мечтой о ребенке. Вот наброски стихов, написанных еще до рождения Мура, в 1924 г.:

Да будет свет.
Да будет сын⁸.

Напророченный сын родился 1 февраля 1925 г. Марина Ивановна была счастлива. Счастлив был и Сергей Яковлевич, сначала не хотевший ребенка. В письме к сестрам 10 марта 1925 г. он сообщает: «Он родился в полдень, в Воскресение, первого числа первого весеннего месяца. По приметам всех народов должен быть сверхсчастливым. Дай Бог! <...> Я не хотел иметь ребенка, а вот появился «нежеланный» и мне странно, что я мог не хотеть его, такое крепкое и большое место занял он во мне»⁹.

Семья решала, как назвать мальчика. Марина Ивановна хотела назвать Борисом, в честь Бориса Пастернака, Сергей Яковлевич – Георгием, знакомые Иваном и даже Далматом¹⁰.

Цветаева уступила мужу, но, наверное, была и сама рада – ведь Георгий для нее и герой ее поэмы «Егорушка», и цикла стихов, посвященных мужу, написанных в 1921 г. Однако с самого рождения и мать, и отец, и сестра называли Георгия Эфрона домашним прозвищем Мур. Сама Марина Ивановна в семье именовалась Рысью, а Сергей Яковлевич – Львом.

С момента появления сына вся любовь в семье переносится на него. Каждый хотел счастья для своего ребенка. В свое время Марина Ивановна сформулировала принципы воспитания дочери: «...я для Али хотела бы настоящего барского строя жизни, – сенных девушек, нянюшек, лакеев, девчонок, – чтобы всё и все были к ее услугам»¹¹. Так что о безоблачной, благополучной жизни и дочери, и сына родители, конечно же, мечтали. Но реальность диктовала другие условия. И многое здесь определялось не только той сложной ситуацией, в которой оказалось поколение Цветаевой, но самими родителями, их жизненными установками, характерами, взаимоотношениями в семье.

Сергей Яковлевич, человек «не домашний», по определению самой Цветаевой, мало бывал дома, деля свое время между учебой, лечением и поисками работы. Но в редкие минуты его пребывания в семье тоже по-своему воспитывал сына. Мур писал в дневнике, что отец рано «полевел». И действительно, уже в апреле 1924 г. С.Я. Эфрон жалуется сестре Елизавете: «В Праге мне плохо. <...> И в Россию страшно как тянет. Никогда не думал, что так сильно во мне русское. Как скоро, думаешь, можно мне будет вернуться?»¹².

Немногим более года спустя, в июле 1925 г., он пишет о трудностях жизни, сетует, что у него нет отдельной комнаты для работы: «Знаю, что смешно писать о таких «пустяках» в Россию, где, верно, мое житье сочли бы за сверхсчастливое по части быта. Но тяжесть быта в России восполняется самой Россией»¹³.

И эту свою мечту о родине С.Я. Эфрон передает и дочери, и сыну. А сыну буквально с колыбели. Вот как он характеризует четырехлетнего сына: «Мой сын – замечательный сын. Очень волевой, здоровый, самоутверждающийся – полная противоположность Але. Все время требует, чтобы его везли в Россию. Французов презирает»¹⁴.

А вот каков в оценке отца шестилетний Мур: «Мой Мур все время рвется в Россию, не любит французов, говорит запросто о пятилетке (у него богатая советская детская библиотека, присланная Асей), о Днепрострое и пр. Ко мне привязан предельно. Способностей и ума невероятного»¹⁵. Еще одно письмо сестре Лиле в 1934 г. (Муру девять лет): «Нравом он буен. Исключительно способен и умен. Ему, конечно, нужно ехать в С<оветскую> Россию. Здесь исковеркается»¹⁶.

Боролась ли Цветаева с этими влияниями мужа на детей? Конечно, боролась. О ситуации в семье рассказывает в своем дневнике Георгий Эфрон: «Семьи не было, был ничем не связанный коллектив. Распад семьи начался с разногласий между матерью и сестрой, – сестра переехала жить одна, а потом распад семьи усилился отъездом сестры в СССР. Распад семьи был не только в антагонизме – очень остром – матери и сестры, но и в антагонизме матери и отца. Распад был еще в том, что отец и мать оказывали на меня совершенно различные влияния»¹⁷. Мур, конечно же, не мог знать всего: Аля ушла из дома в феврале 1935 г., а разлад в семье начался именно с того момента, когда 24 июня 1931 г. Сергей Яковлевич подал прошение о советском гражданстве¹⁸. Противостояние с женой отразилось и в письмах Сергея Яковлевича. В конце октября 1933 г. он сообщает сестре Лиле о проблемах, возникших в семье: «Отъезд для меня связан с целым рядом трудностей порядка гл<авным> образом

семейного. <...> В ужасный тупик я залез. И потом с детства у меня страх перед всякими «роковыми» решениями, к<отор>ые связаны не только с моей судьбой. Если бы я был один!!!! В Россию я поеду один»¹⁹. О ситуации в семье пишет В.Н. Буниной и сама Цветаева: «...наш дом слишком похож на сумасшедший»²⁰.

Дети были на стороне отца. «Поэтико-страдальческая струя влияний» матери, как определил ее Мур, была не способна противостоять интенсивному, насыщенному незыблемыми идеалами воздействию Сергея Яковлевича. К тому же к Марине Ивановне семья относилась, по словам, Г. Эфрона, весьма «снисходительно».

Большинство стихов, написанных Цветаевой в 30-е гг., так или иначе носят отголоски внутренней борьбы, происходящей и в семье, и в душе самой Марины Ивановны. И эти отголоски весьма противоречивые и порой взаимоисключающие.

Так, с одной стороны, она знает, что «той России», в которой она когда-то жила, «нету» («Страна», июнь 1931 г.), что это «без-нас – страна» («Стихи к сыну», 1; январь 1932). Она понимает, что ждет ее на родине. В письме Наталье Гайдукевич от 29 сентября 1934 г. Цветаева пишет: «У меня, Наташа, *нет будущего*. <...> И дело не в том, что м.б. – опять новая квартира, а – новая страна, ЧУЖАЯ, где я сразу умру: одна – против ста шестидесяти миллионов. Мура я там совсем и навсегда потеряю. Алю – *уже* потеряла»²¹.

В то же время в ее стихах появляются ноты о неизбежности и даже обязательности возвращения на родину. Видимо, она сама, того еще не осознавая, приучает себя к этой мысли под сильнейшим влиянием семьи. Конечно, она и раньше жила с «оборотом головы» на Россию. Но тогда это была ностальгия, воспоминания о стране утраченного счастья: «Из сырости и шпал Россию восстанавливаю» или «Русской ржи от меня поклон». Теперь же в ее стихах звучат тревожные, безысходные мотивы:

Даль, говорящая: «Вернись...
Домой!»²².

В стихотворении «Лучина» родина представляется ей как мощный призывный импульс надежды:

Что скушным и некрасивым
Нам кажется <ваш> Париж,
«Россия моя, Россия,
Зачем ты так ярко горишь?»²³

Конечно, мечта вернуться в Россию, увидеть ее вновь, жила в душе многих русских эмигрантов. Достаточно вспомнить строки стихотворения Зинаиды Гиппиус, которую трудно заподозрить в симпатиях к советской стране:

Господи, дай увидеть!
Молюсь я в часы ночные.
Дай мне еще увидеть
Родную мою Россию.

Как Симеону увидеть
Дал Ты, Господь, Мессию,
Дай мне, дай увидеть
Родную мою Россию²⁴.

Или Георгий Иванов, опубликовавший свое стихотворение в парижском журнале «Современные записки» в 1931 г. и так определивший свое понимание родины:

Россия счастье. Россия свет.

Но нынешняя Россия для него – призрак,

...может быть, России вовсе нет.

.....

Россия тишина. Россия прах.

А, может быть, Россия – только страх²⁵.

Цветаева занимает противоположные позиции, полемизируя с автором этого стихотворения:

Ужель ребенку в колыбель
Нести в трясущихся горстях:
«Русь – это прах, чти – этот прах»²⁶.

В ее стихах совсем иная тональность по отношению к России, она все время ищет то положительное, что есть в стране, ведь для ее семьи: «Призывное: СССР, – // Не менее во тьме небес // Призывное, чем: SOS»²⁷. В стихотворении цикла «Маяковскому» она оценивает это новое, пересказывая сюжеты его стихов:

А что на Расее –
На матушке? То есть
Где? – В Эсэсэсере
Что нового? – Строят.

Родители – рóдят,
Вредители – точут,
Издатели – водят,
Писатели – строчут²⁸.

В апреле 1934 г. Цветаева писала С.Н. Андрониковой-Гальперн: «С.Я. разрывается между *своей* страной и – семьей: я – *твердо не* еду...»²⁹. Но ее решимость не ехать, очевидно, под влиянием семьи постепенно трансформируется: она допускает возможность возвращения на родину детей – пусть они все решают сами:

Дети, сами пишите повесть
Дней своих и страстей своих³⁰.

«Мур там будет счастлив», – надеется Цветаева, о чем и сообщает А.А. Тесковой³¹. С другой стороны, в одном из вариантов стихотворения «Бузина» (1931–1935) она напишет о том, что возвращение – это гибель:

А потом – журавлиный клин,
А потом – из-за <...> спин.
– Дети, шею себе свернете! –³²

Эта мысль о гибели детей возникает у Цветаевой не впервые: еще в 1925 г., когда Муру был всего месяц, она начала писать «Крысолова» – злую сатиру на жизнь в советской России. Основой поэмы была мрачная готическая легенда, имеющая в первоисточниках различные варианты финала. Цветаева выбрала конец зловещий – дети той страны, где появляется Крысолов, погибают. И вот теперь опять, уже почти через 10 лет, снова о гибели. Что это? Предчувствие, предзнаменование?

О том, что у Цветаевой шло, возможно, незаметное для нее самой, привыкание к взглядам и идеалам мужа, свидетельствуют и следующие факты.

В 1931 г. она пишет статью «О новой русской детской книге», противопоставляя советские детские книги «бездарному, бесстыжому, безграмотному вздору» эмигрантских детских изданий. И хотя в этой маленькой статье нет ни одного слова о политике и Цветаева рассматривает книжные сюжеты для самых маленьких детей (о природе, о зверье, о предметах быта), статья была с трудом напечатана в эмигрантской печати – отказались несколько изданий и опубликована она была только в почти уже закончившей свое существование «Воле России». Но даже редакция этого журнала сочла необходимым сопроводить ее следующим примечанием: «Помещая настоящую статью М. Цветаевой, редакция отмечает, что не согласна с некоторыми обобщениями автора, не обратившего внимания на агитационные задачи значительной части детской литературы и на связанную с этим борьбу за «коммунистическую» детскую книжку»³³. Статья была встречена эмиграцией очень холодно, ибо она была непримирима и не прощала даже мало-мальского прославления советской страны.

Цветаева постоянно следит за жизнью в СССР. Ее восхищает подвиг челюскинцев, причем в этом стихотворении она отдает дань не просто мужеству человека, а мужеству страны, страны советской, и прославляет ее:

Сегодня – да здравствует
Советский Союз!³⁴

Она переписывает в тетрадку совершенно советскую, хоть и, безусловно, талантливую, «Каховку» – песню, написанную на стихи Михаила Светлова. А его песню «Гренада» называет «лучшей песней за 20 лет»³⁵.

Кто-то скажет, что Цветаева всегда давала оценку по «гамбургскому счету», не принимая во внимание общепринятые мнения. Так, было, например, и в 1916 г., когда она читала свои стихи о Германии на вечере у Каннегисеров в Петрограде – в городе, который даже название поменял, столь сильны были в обществе антигерманские настроения. Все это так, и все же...

Вот еще несколько фактов. Когда Сергей Яковлевич выдержал экзамен у Пате, Цветаева была уверена, что он «лучший знаток советского кинематографа». Р.Н. Ломоносовой она пишет 11 марта 1931 г.: «Будь он в России – непременно был бы писателем. Прозаику (и человеку *его* склада, сильно общественного и идейного) нужен *круг* и *почва*: то, чего здесь нет и не может быть»³⁶. Ту же мысль она высказывает в письме А.А. Тесковой и о сыне: «...у Мура здесь никаких перспектив. Я же вижу этих двадцатилетних – они в *тунике*»³⁷. А там, в СССР, говорит она, обращаясь к сыну:

Не будешь ты отбросом
Страны своей³⁸.

Ее «Перекоп» не взяли ни «левые», ни «правые». Последствием приветствия Маяковского, которому она ответила, говоря о России, что «сила – там», т.е. в СССР, на страницах парижской газеты «Евразии», явился отказ печатать ее произведения в «Последних новостях». Интервью газете «Возрождение», где Цветаева обмолвилась о том, что желает России – Бонапарта (Бунин, например, написал, что он желает гибели большевиков)³⁹, испортило отношения С.Я. Эфрона с «левыми», и ему отказали в сотрудничестве, и т.д.

Понимая суть советской власти, она все-таки страдала какими-то иллюзиями и, видимо, допускала возможность счастья для мужа и детей на родине, хотя у нее, единственной в семье, был опыт жизни с большевиками (Алю в счет можно не принимать – она была слишком мала: всего девять лет). Она, конечно же, не забыла и о «нахальстве в папахе», врывающемся в квартиру, и о «жутких звонках и омерзительных обысках», об «оскорбительности товарищеского обхождения», но, тем не менее, не смогла передать свои опасения близким. Отсутствием четкой ориентации в политической жизни можно объяснить и ее непоследовательную позицию к возвращению. О политической наивности свидетельствует и факт письменного обращения Цветаевой к Сталину и Берии уже по возвращении в СССР. Сама же Цветаева для себя отбрасывала политическую составляющую, считая, что основа всего – деградация личности «нового человека» в советской России: «...дело не в политике, – делилась она своими соображениями с Н. Гайдукевич, – а в «новом человеке» – бесчеловечном, полумашине – полуобезьяне – полубаране, а в общем – быке: *овцебы*ке* (есть такой!)»⁴⁰.

Актом отчаяния в противоборстве с мужем и детьми является стихотворение, написанное в июне 1934 г. и адресованное, прежде всего, своим близким:

А Бог с вами!
Будьте овцами!
Ходите стадами, стаями
Без меты, без мысли собственной
Вслед Гитлеру или Сталину

Являйте из тел распластанных
Звезду или свасти крюки⁴¹.

Можно лишь с малой долей вероятности представить себе всю силу мучительных раздумий над будущим семьи. Нельзя не принимать во внимание и характерную для Цветаевой черту – «верность семье» («верная жена» – говорила она о себе, «мать его – отца – очень любила», – запишет в дневнике Мур, «они без меня умрут», – считала сама Марина Ивановна). Ее колебания были одной из причин победы Сергея Яковлевича, а ее проигрыша в этом противоборстве. Так, всего через год после письма Андрониковой-Гальперн, где Цветаева

выразила свою решимость остаться во Франции, она пишет Пастернаку покорные строки: «Поеду — механически, пассивно, волей вещей»⁴². Это написано в октябре 1935 г., задолго до бегства Сергея Яковлевича из Франции в октябре 1937 г., поставившего окончательную точку в ее размышлениях.

Думая об отъезде, она взвешивала все «за» и «против»: «...С<ергей> Я<ковлевич> и Аля и Мур – рвутся. Вокруг – угроза войны и революции, вообще – катастрофических событий. Жить мне – одной – здесь не на что. <...>

В Москве у меня сестра Ася, к<отор>ая меня любит – м.б. больше чем своего единственного сына. В Москве у меня – все-таки – круг настоящих писателей, не обломков. (Меня здешние писатели не любят, не считают своей.)

Наконец – природа: просторы.

Это – за.

Против: Москва превращена в Нью-Йорк: в идеологический Нью-Йорк... – асфальтовые озера с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами: нет, не с главного начала: *Мур*, к<отор>ого у меня эта Москва сразу, всего, с головой отберет. И, второе, главное: я – с моей *Furchtlosigkeit* <неустрашимостью, бесстрашием>, я *не умеющая* ответить, я не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину, ибо *не я* его назвала великим и – если даже велик – это не мое величие и – м.б. важнее всего – ненавижу каждую торжествующую, казенную церковь»⁴³.

Конечно же, страна Советов привлекала эмигрантов – там кипела жизнь, там происходили события, там вершились великие дела, о которых говорил мир. Об этих событиях вещал «сладкий голос» газет определенного толка, которыми был завален весь дом. Их читали и Сергей Яковлевич, и Аля, и Георгий. «...Мур – из них *ньет*, и я *ничего* не могу поделаться»⁴⁴, – жаловалась Цветаева Н. Гайдукевич. Вот почему она обрушивается с гневной отповедью на читателей газет:

Кто наших сыновей
Гноит во цвете лет?
Смесители кровей,
Писатели газет!⁴⁵

Жизнь самой эмиграции и, в частности, семьи складывалась очень тяжело. Помимо материальных проблем, были проблемы социальные и психологические – отношения между самими русскими беженцами и между эмигрантами и коренным населением Франции.

«Моя группа... окружена стеной ненависти», – писал С.Я. Эфрон⁴⁶. О том, что она «здесь никому не нужна», что ее мало издают, мало ей сочувствуют, мало ее понимают, мало любят, говорила о себе и Марина Ивановна. «Есть – знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое висение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность»⁴⁷, – жаловалась она А.А. Тесковой в 1931 г. Тому же адресату писала – в 1933 г.: «...Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, *настоящих* друзей – нет»⁴⁸, и в 1936 г.: «Эмиграция меня *не любит*»⁴⁹.

Испытывает на себе негативное отношение эмиграции и самих парижан и Мур. О времени обучения в католической школе он скажет: «С учениками этой школы я ничем не был связан, и хотя меня никто не третировал, но законно давали ощущать, что я – не «свой», из-за того, что русский и вдобавок коммунистической окраски»⁵⁰.

«Эмигрантов я не любил, потому что говорили они о старом, были неряшливы и не хотели смотреть на факты в глаза, с «возвращенцами» не общался, потому что они вечно заняты были «делами». С французскими коммунистами я не общался, так как не был с ними связан ни работой, ни образом жизни»⁵¹.

Ариадна Сергеевна и в 60-е годы, уже пройдя лагеря и ссылки, о Франции всегда отзывалась с горечью⁵². А весной 1937 г., только что приехав в Россию, она писала восторженные послания о вновь обретенной родине своей подруге, Наталье Соллогуб: «...тут... грандиозно и невероятно, и я хожу и жадно всматриваюсь во все»⁵³. Она восхищается самодеятельным театром, в котором рабочие играют Шекспира, тем, что «во всей Москве сейчас нет ни одного человека», «который не знал бы Пушкина», что «новые издания книг расхватываются в несколько часов – ибо читают все». С умилением рассказывает, что перед «мавзолеем Ленина *ежедневно* стоят *толпы* народа, желающие еще раз взглянуть на своего вождя». Ей все нравится в Москве, которой она отдает предпочтение перед Парижем, ведь там

нет «таких булочных и кондитерских», как в Москве. Она сообщает подруге, что в советской стране произошли коренные перемены: «...на улице к тебе никто не пристаёт – ты можешь сесть на любую скамейку и читать, шить, глазеть по сторонам, никто не полезет с «гнусными предложениями». Что за все время, что я в Москве, я не слышала ни одного бранного слова – а еще на моей памяти Москва тонула в матерщине! Что в театры ходят целые заводы и школы. Что разговоры на улице, в трамвае, в метро, в кафе – потрясающе и волнующи. И что за все свое пребывание здесь я не встретила *ни одного человека*, который бы не работал, или не учился бы»⁵⁴. Такие же письма присылала Аля и родителям: «*очень довольна*» – делилась своими впечатлениями от писем дочери Цветаева с А.А. Тесковой⁵⁵. Так что в окончательное решение об отъезде матери и брата на родину Ариадна Сергеевна внесла и свою лепту.

Уже перед самым отъездом на родину Цветаева сделала запись в тетради, подытоживающую суть ее отношения к прожитой на чужбине жизни и как бы оправдывающей для нее самой принятое ею решение: «...я внезапно осознала, что я *всю жизнь* прожила за границей, абсолютно-отъединенная – за границей чужой жизни – зрителем: любопытствующим (не очень!), сочувствующим и уступчивым – и *никогда* не принятым в чужую жизнь – что я *ничего* не чувствую, как они, и они – ничего – как я – и, что главное чувств – у нас были абсолютно-разные двигатели, что то, что для них является двигателем – для меня просто не существует – и наоборот (и *какое* наоборот!)»⁵⁶.

Это одна из последних парижских записей Цветаевой. 16 июня 1939 г. в 10 часов 15 минут она с Муром села на пароход, увозящий их в Советскую Россию.

Родина встретила их неприветливо. В Ленинграде, куда приплыл теплоход «Дмитрий Ульянов», сестра Сергея Яковлевича, Анна Трупчинская не смогла пригласить их домой – сама была под наблюдением. А общение с вернувшимися из-за границы могло обернуться большими неприятностями. Встреча с родственниками была назначена в городе.

В Москве их поселили в Болшеве и более трех месяцев держали в изоляции. Покидать пределы поселка не разрешалось. Вскоре последовал арест Ариадны, а затем и Сергея Яковлевича. Начались мытарства по квартирам. Все достигалось с трудом: и устройство в школу, и получение паспорта, и прописка. Тем не менее, Мур первое время, несмотря на все события, которые происходили с его семьей – аресты сестры и отца, отсутствие жилья и денег, изоляция, – «старается» быть «советским». Он надеется «отыскать в СССР среду устойчивую, незыбкие идеалы, крепких друзей, жизнь интенсивную и насыщенную содержанием»⁵⁷.

Мур еще не понимает смысла всего происходящего, но чувствует, что на новой родине не все благополучно. Но пока неприятности задевают его, так сказать, по касательной, не затрагивая глубины души, ибо есть мать, которая принимает все удары судьбы на себя.

Постепенно он приходит к мысли, что и здесь, как и в Париже, он не такой, как все. «Непропорциональность моих переживаний и знаний с переживаниями и знаниями моих одноклассников порождает отсутствие общих интересов, а следовательно, и отсутствие общей среды»⁵⁸, «отсутствие... стремлений, ассоциаций, образа мышления...»⁵⁹.

Он одинок и в личной жизни. «Кромешное собственное одиночество», «абсолютная внутренняя пустота» – так описывает он свое состояние. После ухода из жизни матери, столкнувшись с действительностью лицом к лицу, он начинает понимать, что та Россия, о которой они мечтали с отцом, была лишь картинкой-обманкой.

Практически же он оказался человеком без родины. Чехию, где он родился, он, конечно, не помнил – семья уехала во Францию, когда ему еще не было года. Франция родиной для него не стала: мешала «стена ненависти», окружавшая его родителей и его самого. СССР и не успел, да и не смог полюбить. Он очень быстро разобрался во всем: «...я представляю собой деклассированного интеллигента. У меня нет корней»⁶⁰, – подведет он горестный итог своей жизни в мае 1941 г.

Его романтические иллюзии относительно Страны советов очень быстро исчезают. Потом он скажет: «Когда я жил в Париже, я был откровенно коммунистом. Я бывал на сотнях митингов, часто участвовал в демонстрациях... Конечно, это было очень симпатично и впечатляло, тогда верили в победу народа...»⁶¹. Шестнадцатилетний Мур пересматривает свое отношение к коммунистам: «В конце концов во Франции их смирили, коммунистов-то. Конечно, если они вновь поднимут голову и начнут такой беспорядок, что все пойдет вверх дном... <...> В России они сумели сделать революцию, к чему же это их привело? Они чуть не проиграли войну, в этой несчастной русской стране допустили беспорядок и невообразимую грязь»⁶², – напишет он в ноябре 1941 г.

И приходит к выводу, что «Россия, в конце концов, абсурдная страна...»⁶³, «противная страна»⁶⁴. В ней он чувствует себя гостем, говорит, что во всем виноват «народ со всеми его привычками», «народ глупый, грязный, малокультурный (абсолютно бескультурный, по правде говоря)»⁶⁵. Он не хочет сражаться за родину, ибо ее для него не существует, и судит о ней весьма отстраненно, надеясь, однако, что «этот народ разобьет немцев».

Трагическая безысходность и неразрешимость ситуации, ситуации мышеловки-капкана, в который он попал, заложены в судьбе Георгия Эфрона его родителями. Но осуждать Сергея Яковлевича с его страстной идеей возвращения на родину, или Марину Ивановну, которая не сумела противостоять этой идее, безусловно, непозволительно. Они верили в свою родину, где, казалось им, они смогут стать полноценными гражданами и реализовать себя как личности. И не их вина, а их трагедия в том, что эта вера была родной страной обманута.

Записи в дневниках Мура созвучны шекспировским страстям. «Я хочу выжить» – лейтмотив его мыслей после смерти матери. Гамлетовский вопрос «Быть или не быть?» он для себя решает утвердительно: «...я хочу избежать физического уничтожения»⁶⁶. Загнанный в угол обстоятельствами жизни, стоя на краю пропасти, он пытается отыскать путь спасения: «...настроение у меня ужасающее. Но ничего, ничего, ничего. Какой ужас! Но что мне делать? Какой-то выход из положения должен быть. Нет положений без выхода. Но куда деться? Все – бред. Но выход будет найден, – говорит он себе. – <...> Будет выход, непременно, найден, найден. Я продолжаю надеяться. Буду, буду надеяться. Непременно будет выход. Выход будет найден. Непременно. Непременно. Выход найду»⁶⁷.

Уже призванный на военную службу, хлебнувший лиха, Мур напишет: «Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, ее предсмертные дни в Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание. Я тогда совсем не понимал ее и злился на нее за такое внезапное превращение... Но как я ее понимаю теперь!»⁶⁸

Он, как и мать, теперь осознает, что прошлое затоптано и его не вернуть, а веры в будущее нет. Находясь в отчаянном положении, он произносит трагические слова: «В сущности, ты – труп, т.к. ничто не отвечает в тебе человеку. <...> Друзей у тебя нет, близкие – недостижимы... Ты не связан кровно ни с одной группой, ни с одной средой; ты морально свободен от всяких пут; ты почти что спокоен; ты – почти умер»⁶⁹. Мысленно он возвращается к своему детству: «Я умею лишь вспоминать о прошлом, ибо лишь в нем я был счастлив...»⁷⁰, но вернуть эти счастливые времена уже невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. 1. М.: Эллис Лак, 2000. С. 165.
- ² *Там же.* С. 58. Запись от 4 мая 1914 г.
- ³ *Там же.* Т. 2. С. 86.
- ⁴ *Там же.* С. 251.
- ⁵ *Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1994. С. 418.
- ⁶ Записные книжки. Т. 2. С. 251.
- ⁷ *Цветаева М.* Неизданное. Семья. История в письмах. М.: Эллис Лак, 1999. С. 283, 284.
- ⁸ Сводные тетради. С. 418.
- ⁹ Семья. С. 315.
- ¹⁰ Сводные тетради. С. 338.
- ¹¹ Записные книжки. Т. 1. С. 71.
- ¹² Семья. С. 312.
- ¹³ *Там же.* С. 318.
- ¹⁴ *Там же.* С. 341. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 27 апреля 1929 г.
- ¹⁵ *Там же.* С. 352. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 28 марта 1931 г.
- ¹⁶ *Там же.* С. 358. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 16 августа 1934 г.
- ¹⁷ *Эфрон Г.* Дневники: В 2 т. Т. 1. М.: Вагриус, 2004. С. 451.
- ¹⁸ Семья. С. 352. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 29 июня 1931 г.: «У меня к тебе спешное и серьезное дело. Я подал прошение о сов<етском> гражданстве. Мне необходима поддержка моего ходатайства в ЦИКе. <...> Мое прошение пошло из Парижа 24 июня».
- ¹⁹ *Там же.* С. 356–357. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 31 октября 1933 г.
- ²⁰ *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1994. С. 282. Письмо В.Н. Бунниной от 10 января 1935 г.
- ²¹ *Цветаева М.* Письма к Наталье Гайдукевич. М.: Русский путь, 2003. С. 80. Письмо от 29 сентября 1934 г.
- ²² Собр. соч. Т. 2. С. 302. Стихотворение «Родина», 12 мая 1932 г.
- ²³ *Там же.* С. 280. Июнь 1931 г.
- ²⁴ *Гиппиус З.Н.* Стихотворения. СПб., 1999. Новая б-ка поэта. С. 344.
- ²⁵ *Иванов Г.* Собр. соч.: В 3 т. М.: Согласие, 1994. Т. 1. С. 299.
- ²⁶ Собр. соч. Т. 2. С. 299. Стихи к сыну, 1. Январь 1932.
- ²⁷ *Там же.*
- ²⁸ *Там же.* С. 278. Маяковскому, 6. Август 1930 г.
- ²⁹ Собр. соч. Т. 7. С. 160. Письмо С.Н. Андрониковой-Гальперн от 6 апреля 1934 г.
- ³⁰ *Там же.* Т. 2. С. 300. Стихи к сыну, 2. Январь, 1932 г.
- ³¹ *Там же.* Т. 6. С. 437. Письмо А.А. Тесковой от 29 марта 1936 г.
- ³² *Саакянц А.А.* Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997. С. 553.
- ³³ Собр. соч. Т. 5. С. 694.
- ³⁴ Т. 2. 321–322. 3 октября 1934 г.
- ³⁵ Сводные тетради. С. 553.
- ³⁶ Собр. соч. Т. 7. С. 334.
- ³⁷ *Там же.* Т. 6. С. 433. Письмо А.А. Тесковой от 15 февраля 1936 г.
- ³⁸ *Там же.* Т. 2. С. 301.
- ³⁹ *Там же.* Т. 4. С. 682.
- ⁴⁰ Письма к Наталье Гайдукевич. С. 79.
- ⁴¹ Собр. соч. Т. 2. С. 316. 23 июня 1934 г.
- ⁴² Марина Цветаева – Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922—1936 годов. М.: Вагриус, 2004. Письмо Б.Л. Пастернаку от октября 1935 г. С. 561.
- ⁴³ Собр. соч. Т. 6. С. 433. Письмо А.А. Тесковой от 15 февраля 1936 г.
- ⁴⁴ Письма к Наталье Гайдукевич. С. 74.
- ⁴⁵ Собр. соч. Т. 2. С. 335. 1–15 ноября 1935 г.
- ⁴⁶ Семья. С. 331. Письмо С.Я. Эфрона Е.Я. Эфрон от 30 июня 1927 г.
- ⁴⁷ Собр. соч. Т. 6. С. 390. Письмо А.А. Тесковой от 25 февраля 1931 г.
- ⁴⁸ *Там же.* Т. 6. С. 409. Письмо А.А. Тесковой от 11 декабря 1933 г.
- ⁴⁹ *Там же.* С. 433. Письмо А.А. Тесковой от 15 февраля 1936 г.
- ⁵⁰ Георгий Эфрон. Дневники. Т. 1. С. 451.
- ⁵¹ *Там же.* С. 452.
- ⁵² *Емельянова И.* «Стучусь в твою беду...» // Ариадна Эфрон. Жизнь есть животное полосатое. Письма к Ольге Ивинской и Ирине Емельяновой. 1955—1975. М.: Виграф, 2004. С. 19–20.
- ⁵³ «Напишите мне в альбом...». Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-от. М.: Русский путь, 2004. С. 191.
- ⁵⁴ *Там же.*
- ⁵⁵ Собр. соч. Т. 6. С. 450. Письмо А.А. Тесковой от 2 июля 1937 г.
- ⁵⁶ Сводные тетради. С. 555.
- ⁵⁷ *Эфрон Г.* Дневники. Т. 1. С. 453.
- ⁵⁸ *Эфрон Г.* Письма. Калининград М.о.: Луч-1, 1995. С. 115. Письмо А.С. Эфрон от 22 марта 1943 г.
- ⁵⁹ *Эфрон Г.* Дневники. Т. 1. С. 339.
- ⁶⁰ *Там же.* С. 345.
- ⁶¹ *Там же.* Т. 2. С. 109.
- ⁶² *Там же.*
- ⁶³ *Там же.* С. 83.
- ⁶⁴ *Там же.* С. 109.
- ⁶⁵ *Там же.*
- ⁶⁶ *Там же.* С. 54.
- ⁶⁷ *Там же.* С. 31.
- ⁶⁸ *Эфрон Г.* Письма. С. 108. Письмо Г. Эфрона С.Д. Гуревичу от 8 января 1943 г.
- ⁶⁹ *Там же.* С. 127–128.
- ⁷⁰ *Там же.* С. 108.